

© 1999 г. А.А. ЗАЛЕВСКАЯ

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

В классической работе акад. Л.В. Щербы [Щерба 1974] содержится ряд положений, очень важных для понимания различий в подходах к анализу языка с позиций разных наук. Как следует из названия этой работы, Л.В. Щерба полагал, что он выделил три аспекта языковых явлений, под первым из которых им понимались процессы говорения и понимания, или **речевая деятельность**, под вторым – выводимые на основании всех актов говорения и понимания, имевших место в определенную эпоху жизни некоторой общественной группы, словари и грамматики языков, или **языковые системы**, а под третьим – совокупность всего говоримого и понимаемого такой общественной группой, или **языковой материал**. При этом было подчеркнуто, что речевая деятельность обуславливается сложным речевым механизмом человека, или психофизиологической **речевой организацией** индивида, которая: а) никак не может просто равняться сумме речевого опыта и должна быть какой-то своеобразной его переработкой; б) может быть только психофизиологической; в) вместе с обусловленной ею речевой деятельностью является социальным продуктом; г) служит индивидуальным проявлением выводимой из языкового материала языковой системы; судить о характере этой организации можно только на основании речевой деятельности индивида. Такое вынесение речевой организации за рамки обсуждаемой триады в качестве *фактора, обуславливающего и речевую деятельность, и ее проявления в языковом материале и в языковой системе*, позволяет заключить, что фактически Л.В. Щерба выделял не три, а **четыре** аспекта языковых явлений [Залевская 1977: 4].

Л.В. Щерба четко разграничил понятия **механизма** (= речевая организация человека) и **процесса** (= речевая деятельность), **процесса** и его **продукта** (ср., например, первый и третий аспекты языковых явлений). Схема на рис. 1 наглядно представляет соотношение между названными выше четырьмя аспектами языковых явлений с последовательным разграничением понятий механизма и процесса, процесса и продукта. Использование в этой схеме предложенного Л.В. Щербой термина "речевая организация" акцентирует внимание на готовности индивида к речи, на упорядоченности продуктов переработки речевого опыта в целях оптимального применения их в речемыслительной деятельности. При этом речевая организация рассматривается как *единство процесса и продукта*; в качестве последнего выступает индивидуальная система концептов и стратегий пользования ими в процессах говорения и понимания речи, обозначенная как ЯЗЫК₁.

В работе [Залевская 1977: 6–9] внимание акцентируется на следующих важных моментах: 1) речевая организация человека понимается не как пассивное хранилище сведений о языке, а как **динамическая функциональная система**; 2) подчеркивается **постоянное взаимодействие между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктом** (т.е. новое в речевом опыте, не вписывающееся в рамки системы, ведет к ее перестройке, а каждое очередное состояние системы служит основанием для сравнения при последующей переработке речевого опыта); 3) эти

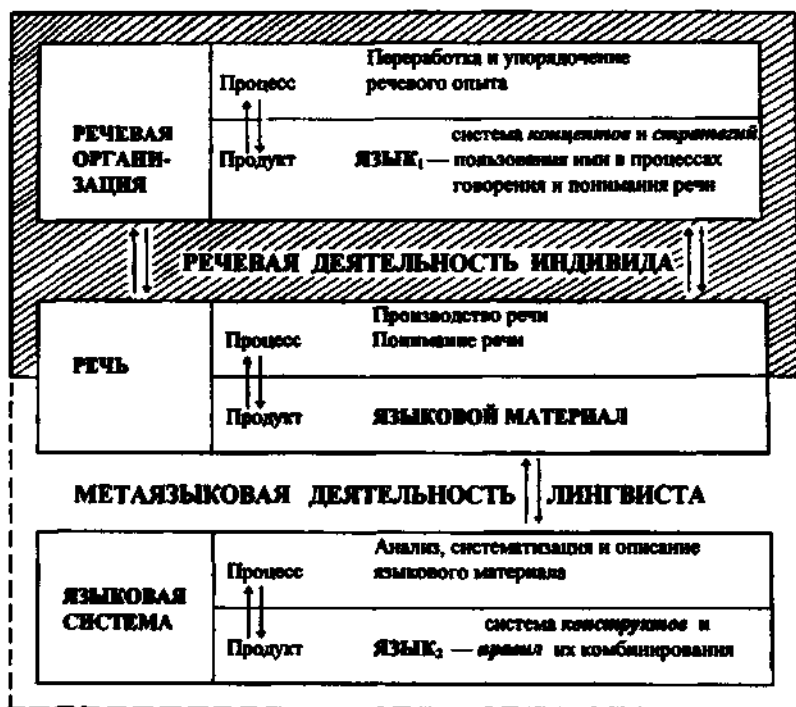

Рис. 1

положения создают базу для трактовки речевой организации человека как самоорганизующейся системы.

Рис. 1 показывает, что становление и постоянное упорядочивание речевой организации человека как самоорганизующейся системы особого рода происходит в процессе речевой (точнее – речемыслительной) деятельности. Следует также добавить, что речевая деятельность обычно включена в другие виды деятельности человека, коммуникация предполагает наличие партнеров, а лингвист в ходе метаязыковой деятельности обращается к своей речевой организации, что не нашло отражения в приведенной схеме. Тем не менее эта схема дает основания для вывода, что *общность исходного языкового материала, перерабатываемого, с одной стороны, в ходе речевой деятельности индивида, а с другой – в ходе метаязыковой деятельности лингвиста, вовсе не предопределяет идентичности получаемых продуктов*: в первом случае в соответствии с психофизиологическими возможностями человека формируется ЯЗЫК₁ как система функциональных ориентиров и опор, необходимых для успешности процессов производства и понимания речи, а во втором – через логико-аналитическую работу – создается ЯЗЫК₂ как описательная модель языка или система нормативных прескриптивных правил. Расхождение продуктов такой переработки очевидно из наблюдений над тем, как ребенок, практически владеющий языком, испытывает большие трудности при освоении грамматики родного языка; это приводит к выводу, что у ребенка имеется, например, “своя система ‘ключей’, не совпадающая с лингвистическими признаками частей речи” [Леонтьев 1974: 168].

Необходимо подчеркнуть, что именно наличие общего промежуточного звена (языкового материала) в его связи как с речевой организацией индивида, так и с выводимой из языкового материала языковой системой приводит к отождествлению таких, по определению Л.В. Щербы, теоретически несоизмеримых понятий, как индивидуальная речевая система (= психофизиологическая речевая организация инди-

вида) и языковая система [Щерба 1974: 35]; ср. также: [Леонтьев 1969: 101]. Несомненно, ЯЗЫК₁ и ЯЗЫК₂ отражают одни и те же содержащиеся в языковом материале закономерности, однако каждый из них имеет свой "угол зрения", предопределяющий концентрацию внимания на разных сторонах одного и того же явления, и вырабатывает свою специфическую систему координат. Вследствие этого результаты переработки языкового материала в двух указанных направлениях совпадают далеко не всегда, что исключает правомерность прямого механистического перенесения продуктов метаязыковой деятельности лингвиста на описание закономерностей функционирования речевого механизма индивида.

Вспомним, что (по Л.В. Щербе) речевая организация представляет собой своеобразную переработку речевого опыта, которая происходит в соответствии с психофизиологическими возможностями и закономерностями. Это означает, что необходимо выяснить, какие особенности психической деятельности человека определяют становление и функционирование языка как достояния человека. Названная проблема широко и детально обсуждается в трудах отечественных ученых, см., например, [Брушлинский 1982; 1988; 1990; Жинкин 1982; 1998; Завалова, Ломов, Пономаренко 1986; Ломов 1984; Ломов и др. 1986]. К числу основных положений относятся следующие.

1. Психическое отражение никогда не бывает пассивным, механическим, зеркальным, оно формируется в процессах деятельности активного субъекта через непрерывное взаимодействие человека с окружающим его миром при постоянной взаимосвязи внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, индивидуального и социального.

2. Психическое характеризуется предельной процессуальностью, динамичностью, непрерывностью и постоянным взаимодействием процессов и их продуктов в ходе формирования и взаимопереходов различных стадий, компонентов, операций.

3. Все виды психической деятельности функционируют в ансамбле, т.е. такие психические процессы, как мышление, речь, память, восприятие и др., онтологически вообще не существуют как отдельные обособленные акты, они искусственно разграничиваются в целях научного анализа, хотя в жизнедеятельности человека "все состоит из всего".

4. В многомерном и многоуровневом процессе психического отражения взаимодействуют (трансформируются, дифференцируются, интегрируются, переходя друг в друга) разные формы и уровни, в том числе уровни сенсорно-перцептивных процессов, представлений, речемыслительных процессов, понятийного мышления, интеллекта. В реальной жизни все уровни психической деятельности индивида взаимосвязаны; один из них может быть ведущим в зависимости от цели деятельности и решаемых задач, но никогда не выступает сам по себе, лишь определяет специфическую структуру всей системы психического.

5. Любой психический процесс всегда формируется одновременно на разных уровнях осознаваемости; всякое осознанное содержание обычно включает в себя не до конца и не полностью осознанные зависимости и соотношения, т.е. имеет место непрерывность осознанного и неосознанного как одно из фундаментальных свойств психического как процесса, при котором бессознательное существует столь же реально, как и осознаваемое.

6. Между осознанным и вербализованным, как и между неосознанным и невербализованным, не имеется однозначного соответствия: подразумеваемое осознанное может выходить за рамки вербализованного, а то, что переживается как известное, понятное, не всегда поддается экспликации, вербальному описанию.

7. Переживание индивидом непосредственной данности содержания знания характеризуется изначальной предметностью и пристрастностью при постоянном взаимодействии перцептивных, когнитивных и аффективных (эмоционально-оценочных) процессов и их продуктов и при динамике актуально значимого и потенциально значимого.

Из приведенных положений, в частности, вытекает, что становление речевой организации человека связано со "своеобразной переработкой" не только речевого, но и всего многогранного опыта взаимодействия человека с окружающим его миром (о роли образа предметного мира в пользовании языком см. подробно [Леонтьев 1997]). Можно также сделать некоторые уточнения по поводу того, что переработка языкового материала в речевой организации человека дает специфические продукты, отличающиеся от продукта метаязыковой деятельности лингвиста – описательной модели языка.

Во-первых, метаязыковую и метакогнитивную деятельность можно наблюдать у ребенка, осваивающего язык, однако при этом происходит переживание понятого, фиксируемое в "следах" памяти в специфических мозговых кодах, но не всегда доступное для вербализации. Получаемые при этом продукты носят функциональный характер, являясь знанием **процедурного** (процедурального) типа. Деятельностные ориентиры для процессов говорения и понимания речи являются удобными и эффективными для пользующегося ими индивида, который вырабатывает их "для себя", в своих "индивидуальных кодах" и использует на разных уровнях осознанности, вследствие чего оказывается трудным прямо соотносить такие ориентиры с вербальными формулировками прескриптивных правил и лингвистическими терминами при школьном обучении языку как знанием качественно иного (**декларативного**) типа (об этих типах знания при овладении и пользовании языком и о возможностях переходов от одного к другому см. подробнее [Залевская 1996]).

Во-вторых, взрослый человек, успешно окончивший школу, не будучи лингвистом, продолжает пользоваться не столько заученными правилами, сколько функциональными ориентирами разных видов, успешно справляясь со многими проблемами взаимопонимания при общении, но испытывая трудности в ситуациях, когда требуется установить или объяснить, как и почему правильно говорить или писать нужно так, а не иначе.

В-третьих, переработка речевого опыта человеком изначально включена в формирование образа мира и его переструктурирование, поэтому для индивида *языковые средства оказываются слитыми с тем, для обозначения чего они используются*. Это в свое время наглядно показал Н.И. Жинкин: «человек слышит слова, состоящие из звуков: 'Вон бежит собака', а думает при этом совсем не о звуках и словах, а о собаке, и смотрит – где она бежит» [Жинкин 1982: 18]; даже в случаях, когда имеет место переход на метаязык и человек замечает семантику своего языка, он "все равно убежден, что, воспринимая речь, он представляет и видит обозначаемую действительность, а не строчку слов или последовательность звуков" [Жинкин 1982: 100–101].

В-четвертых, приведенные выше высказывания Н.И. Жинкина акцентируют внимание на ряде очень важных особенностей пользования языком: **язык для его носителя выступает в качестве средства выхода на образ мира** (действительность), особую роль при этом играют **разные формы репрезентации мира**, в том числе – образы (думая о собаке, которая где-то бежит, мы строим ожидание, встречный образ), а через образ на разных уровнях осознанности учитываются знания и ожидания, связанные с такой ситуацией.

Таким образом, при последовательном психолингвистическом подходе к проблемам функционирования языка нельзя ограничиваться анализом языковых явлений в отрыве от пользующегося ими человека; они должны изучаться в **специфической системе координат**, принимающей во внимание все многообразие факторов и условий, связанных с психической жизнью активного субъекта речемыслительной деятельности, включенной в другие виды деятельности в составе социума, под воздействием которого, с учетом принятых в нем норм и оценок, формируется эмоционально-оценочно помеченная картина мира, ибо вне последней языковые средства не имеют смысла.

Особенности такого подхода можно показать на примерах, связанных с вопросами отображения реальности и с проблемой значения слова.

В лингвистических исследованиях обычно фигурирует проблема отображения реальности в языке и сознании. Выполнено огромное количество исследований, описывающих различные аспекты того, как те или иные объекты/фрагменты действительности, связи и отношения находят отображение в языке как общественном явлении; при акцентировании внимания на отображении реальности в сознании материалом для исследования опять-таки оказывается описание значений слов в толковых словарях или в текстах, т.е. и сознание выступает исключительно как общественное явление, преломленное через призму языка.

Особенности отображения реальности не менее интересны для ряда других наук, в том числе для психолингвистики, однако в таком случае возникает необходимость переформулирования сути проблемы, поскольку при исследуемом названной наукой пользовании языком в процессах продуцирования и понимания речи всегда имеет место взаимодействие вербальных и невербальных опор при разных уровнях осознваемости их функционирования (от актуального сознания до неосознаваемого) с привлечением широкого круга выводных знаний (языковых и энциклопедических) и наличием эмоционально-оценочных переживаний как неотъемлемых составляющих функционирования языка как достояния человека. С учетом того, что на "табло сознания" выводится лишь часть продуктов множества процессов, обеспечивающих взаимодействие человека с окружающим его миром, а закрепляемое в языковых единицах неизбежно увязывается с переработкой разностороннего (не только речевого) опыта индивида, точнее говорить об отображении реальности у человека. Итак, при психолингвистическом подходе к названной проблеме необходимо признавать отображение реальности не только в сознании, но и в подсознании индивида при постоянном взаимодействии перцептивной, когнитивной и аффективной сфер психики человека.

Подобное уточнение является чрезвычайно важным, поскольку оно переносит обсуждение названной проблемы в особую систему координат, т.е. речь идет в таком случае не о языке как отдельно взятой системе и не о сознании "вообще", а именно о языке как достоянии индивида и о том, благодаря чему в процессах речемыслительной деятельности человек оказывается способным опираться на многостороннее функционально достаточное отображение действительности как базу для понимания и взаимопонимания в ходе познания и общения (проблема взаимоотношения между познанием и общением при этом переходит в статус псевдопроблем типа первичности курицы или яйца).

При таком подходе подчеркивается, что язык у пользующегося им человека представляет собой одну из психических функций, реализуемых только во взаимодействии со всеми другими психическими функциями (или психическими процессами) индивида, т.е. отображение реальности в языке невозможно без подключения восприятия, памяти, мышления, внимания и т.д. при сложном взаимодействии множества внешних и внутренних факторов. Таким образом преодолевается типичное для лингвистики наделение языка статусом *самодовлеющей сущности* и признается, что язык у пользующегося им человека составляет лишь одну из сторон целостной психики субъекта [Брушлинский, Сергеев 1998: 6].

Принятая система координат учитывает также множественность форм отображения реальности в памяти человека (см., например, обзор [Ребеко 1998], а также [Зинченко 1997; Sternberg 1996]) и их постоянное взаимодействие в процессах речемыслительной деятельности и общения. Непосредственная связь полифонии таких форм с разнообразием (множественностью) путей познания мира человеком вытекает из наличия системы познания [Высоков 1996]. В последние годы широко обсуждается проблема ментальных репрезентаций при разных трактовках характера таких репрезентаций и модуса их существования (связанного с определенными сенсорными модальностями или амодального, складывающегося из определенного набора призна-

ков или целостного, холистического, и т.д.), особенностей их становления в онтогенезе, функционирования в разных видах деятельности (см., например, обзоры и обсуждение результатов зарубежных и отечественных исследований в этой области [МР 1998]).

В качестве продуктов концептуализации (т.е. преломления в голове человека окружающего его мира, существующих в последнем объектов, действий, состояний, связей и отношений между ними) обычно рассматриваются *концепты* как базовые когнитивные сущности, позволяющие связывать смысл с употребляемым словом [Ришар 1998: 15]. Следует подчеркнуть, что концепт не отождествляется с понятием как некоторым набором необходимых и достаточных существенных признаков, отвечающих требованиям истинности и лишенных каких бы то ни было эмоционально-оценочных нюансов за счет их абстрагированности. Важные уточнения по этому поводу делает Ю.С. Степанов, трактующий концепт как "пучок" представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово; уточняется также, что в сложную структуру концепта входит и то, что принадлежит строению понятия, и то, что делает его фактом культуры [Степанов 1997: 40–41]. Добавим к этому, что в последнее время в философии произошел определенный пересмотр трактовки особенностей понятия как формы мышления. Так, в работе [Войшвилло 1989: 99] отмечено, что "оперирование понятиями в той или иной мере связано с представлениями. Расчленяя в понятии предметы и явления на признаки, мы связываем в свою очередь обычно сами эти признаки с некоторыми представлениями. И даже имея дело с сугубо абстрактными предметами, человек стремится ввести в свои рассуждения элементы наглядности, конструируя для этой цели некоторые представления – наглядные модели абстрактных объектов". При этом в некоторых случаях связь слов с предметами может осуществляться через посредство более или менее четких представлений (*чувственных интуиций*), в других случаях – через посредство *интеллектуальных интуиций*, возникших в процессе усвоения языка [Войшвилло 1989: 99]. Более того, пересматривается и сама трактовка "существенного признака": признается необходимость разграничения двух понятий существенного – "понятия признаков, существенных для предметов того или иного качества, и признаков того или иного предмета, существенных в каком-то отношении... или с той или иной точки зрения (с точки зрения определенного использования предмета человеком)" [Войшвилло 1989: 128]. Последнее хорошо согласуется с результатами психологических и психолингвистических исследований, согласно которым для носителей тех или иных языков и культур наиболее важными могут оказаться не определительные, а характерные признаки предметов и явлений; в процессах разносторонней деятельности человека решающее влияние могут оказывать не сильные, а слабые признаки; требует своего исследования то, на какие виды признаков опирается человек в процессах эвристического поиска, и т.д. (см. подробнее [Залевская 1999; Коссов 1996]).

Отмеченные "сдвиги" в трактовке понятия как формы отображения действительности у человека наряду с трактовкой психологами роли образа в познании мира и связи между словом и образом в процессах психического отражения (см., например, [Завалова и др., 1986; Ломов, Беляева, Носуленко 1986; Носуленко 1988]) свидетельствуют о том, что на смену декларированию учета "человеческого фактора в языке" должен прийти последовательный отказ от искусственного отсекающего того, что свойственно человеку, от того, что лингвисты ищут в исследуемом ими языке, забывая о том, что закономерности функционирования языка как общественного явления неизбежно связаны с носителями и пользователями языком как субъектами психической деятельности. Одним из примеров попыток откеститься от специфики процессов познания мира человеком является трактовка прототипа как не имеющего никакого отношения к лингвистической теории на том основании, что в данном случае фигурирует продукт индивидуального, чувственного, довербального познания, в то время как семантическая теория оперирует продуктами координированной общественной, социальной деятельности, связанной с абстрагированием.

Так, на необходимости разграничения языковых и доязыковых категорий, по свидетельству Н.П. Анисимовой [Анисимова 1998: 32–34], настаивает В. Никес, который при критическом анализе теории прототипов признает некую форму ментальной доязыковой категоризации, но отвергает принцип ее прямого отражения в языковых категориях. При обосновании того, что природа индивидуального и интериндивидуального (языкового) познания базируется на разных принципах, В. Никес противопоставляет эти два вида познания по ряду параметров на том основании, что перцептивные категории происходят из индивидуальной чувственной деятельности, в то время как языковые категории имеют социальный характер и вырабатываются в ходе истории общества в целях взаимодействия носителей языка. Таким образом, при трактовке семантических категорий как результата коллективной деятельности, скоординированной и обусловленной языковой деятельностью, субъекты названной деятельности оказываются тем не менее "вынесенными за скобки". В этой связи представляется полезным привести высказывание А.А. Леонтьева относительно того, что только рассмотрение проблемы реализации социального в индивиде, на уровне конкретного индивида, «может вскрыть некоторые существенные характеристики глобальной "речи", ускользающие при переходе на более высокие ступени абстракции, но необходимые при анализе объекта как целого» [Леонтьев 1969: 104].

В качестве еще одного примера разграничения семантической теории и специфики отображения реальности человеком может выступить отказ А. Вежбицкой согласиться с вероятностью того, что тот или иной компонент значения слова может проявляться в *некоторой степени* (по ее мнению, вопрос может ставиться только по принципу "да – нет", т.е. или такой компонент имеется, или его вообще нет, см. [Wierzbicka 1996: 168]). Однако известно, что носитель языка способен количественно оценивать степень проявления того или иного признака в составе значения слова, о чем свидетельствуют разнообразные исследования с использованием процедур субъективного шкалирования (см., например, "семантические нормы" типа [Toglia, Battig 1978] и работы [Колодкина 1987; Петренко 1983; 1997]). То, что суждения носителей одного и того же языка оказываются сходными, но могут отличаться от оценок, полученных для слов-коррелятов от носителей других языков и культур, подтверждает справедливость указания Л.В. Щербы [Щерба 1974] на социальный характер речевой организации индивида и заставляет обратить внимание на необходимость пересмотра вопроса о характере соотношения между индивидуальным и социальным в языке и в значении слова в том числе. О важности такого пересмотра говорится в работе [Turner 1994], где отмечается стремление лингвистов при обсуждении проблематики значения слова трактовать природу значения как совершенно независимую от человека.

М. Тёрнер отмечает, что референтные теории значения трактуют значение как базирующееся на положении вещей в объективной реальности, вследствие чего значением высказывания должны быть реальность, к которой оно относится. Это полностью выводит человека за рамки установленной связи ("a semantic express train shoots straight from the linguistic symbols to an objective reality without passing through the human brain, let alone stopping in the human brain, let alone taking its entire journey there"). Другие современные теории, такие как формальные теории значения, "делают остановку" в мозге человека, но это только акт вежливости, состоящий в признании того, что мозг является тем местом, с которым увязывается значение. Например, теории искусственного интеллекта обычно трактуют мозг как устройство, производящее вычисления на базе бессмысленных символов, которые остаются таковыми в ходе манипулирования ими, но получают некоторую интерпретацию из определенного набора зафиксированных интерпретаций (с помощью "семантического устройства"). Формальное (синтаксическое) устройство выполняет всю необходимую работу, в то время как правила интерпретации сопутствуют этому, имея своим результатом значение. Отсюда значение фигурирует во множестве формальных исчислений, а задача теории значения состоит в обнаружении природы таких исчислений.

Обычно признается, что объективное значение – это значение, которое существует

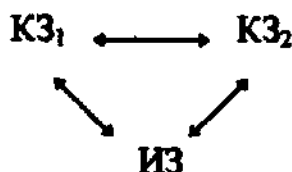
независимо от воспринимающего его человека. М. Тёрнер указывает, что, по Протагору, это должно трактоваться как оксюморон, поскольку *никакое значение не может существовать независимо от приписывания его мозгом человека*. Раз это так, то понятие "субъективного" значения так же ошибочно, как и понятие "объективного" значения.

М. Тёрнер полагает, что разграничение объективного и субъективного значения связано с концептуальной метафорой, согласно которой мы трактуем мозг в виде контейнера. Метафорически объективное значение находится вне этого контейнера, а внутри его может иметься копия этого внешнего объективного значения. Если это хорошая копия, то нам известно объективное значение. У нас всех могут иметься копии, связанные через их внешнего референта. По этой метафоре, такие внутренние копии не могут быть прямо связанными друг с другом. Они могут увязываться только через посредство объективного референта, который находится вне мозга, независим от этих копий и является более важным, чем копия. Однако от этой метафоры и от следствий из нее необходимо отказаться. Значение находится внутри мозга в неметафорическом смысле. Значения в мозгу разных людей связаны не потому, что они являются копиями некоторого внешнего значения, а вследствие того, что мозг у разных людей имеет *биологическое и функциональное сходство деятельности приписывания значений*.

С других позиций подходит к обсуждаемой проблеме В.П. Зинченко, подчеркивающий, что не только в онтологии, но и в гносеологии *противопоставление объективного и субъективного является грубой ошибкой* [Зинченко 1997: 10, 21]. Первичные формы аффективно-смысловых образований сознания существуют *объективно* вне человека в виде произведений искусства или других материальных творений людей. В процессе индивидуального развития такие объективные образования усваиваются и субъективируются, иначе говоря, идеальная форма присваивается и становится реальной формой психики и сознания индивида. Особую роль в переходе от идеальной формы к реальной (при органичности их взаимодействия) играют посредники-медиаторы: *взрослый человек в паре с ребенком, знак, знак-символ, слово, смысл* (этот ряд должен оставаться открытым, поскольку полифония медиаторов отвечает полифонии сознания). Все это – *психологические орудия*, замечательная особенность которых состоит в том, что они вызывают к жизни *внутренние формы деятельности*. Бесконечное число открытий (в том числе открытие внутренней формы медиаторов) начинается в совместной деятельности ребенка со взрослым и продолжается самостоятельно всю жизнь. При этом внутренняя деятельность не является простым манипулированием интериоризированными внешними средствами: превращение внешней формы во внутреннюю всегда является творческим процессом, актом создания новой формы, нового языка описания внешней формы действия, вследствие чего новообразование приобретает собственные порождающие возможности и способности. Подвергаясь деятельностно-семиотической переработке, такие новообразования утрачивают черты сходства с породившими их источниками (в том числе и черты опосредствованности) и проявляют себя непосредственно; они могут также погружаться в "глубины бессознательного" и восстанавливаться.

Еще один возможный подход к проблеме соотношения субъективного и объективного предложен в работе [Залева 1992], где в общетеоретическом плане вместо диады "язык как коллективное знание" (КЗ) – "язык как индивидуальное знание" (ИЗ) предлагается рассматривать триаду КЗ₁, КЗ₂ и ИЗ, различая КЗ₁ – совокупное знание-переживание, формирующееся и функционирующее в определенной лингвокультурной общности по законам психической деятельности и взаимодействий в сверхбольших системах, и КЗ₂ – "зарегистрированное" в продуктах разнообразной деятельности людей коллективное знание (включающее языковую систему), которое отображает *лишь часть* того, что входит в понятие КЗ₁. До сих пор наука исследовала и описывала исключительно КЗ₂, в то же время отождествляя его с ИЗ вследствие подмены

понятий, узаконенной стойкой логико-рационалистической традицией, на смену чему должно прийти последовательное изучение **ИЗ** как коррелята **КЗ**, со всеми вытекающими отсюда следствиями и с признанием сложного взаимодействия между всеми членами триады, т.е.:

Важно подчеркнуть, что термин "индивидуальное знание" указывает не на содержание знания, специфичное для того или иного человека (в таком случае следовало бы говорить о "личностном знании"): речь идет о **принципиальных особенностях знания как достояния индивида**, выступающего в качестве представителя вида, т.е. *знания, формирующегося по закономерностям психической деятельности* (несомненно, под воздействием и контролем выработанных социумом норм и оценок) и представляющего собой отображение реальности у человека. Особенности этого подхода можно показать на примере трактовки значения слова и выполняемых им функций.

При традиционном лингвистическом исследовании значения слова оно берется как принадлежащее **КЗ**, т.е. как единица лексико-семантической системы языка, и описывается по "законам жанра", а именно: определенным образом материализованные, т.е. вербализованные и зафиксированные в устной речи или на письме **продукты речи** подвергаются строгому логико-рационалистическому анализу при узаконенном при таком подходе игнорировании лежащих за названными продуктами процессов. Это приводит к стройной системе понятий и прескриптивных правил, описывающих *язык как отдельно взятый объект* (т.е. в отрыве от пользующегося языком индивида, независимо от того, насколько часто и убежденно декларируется важность учета "фактора человека", "человеческого фактора в языке" и т.п.).

Подход к слову с позиций **индивидуального знания** требует последовательного учета основолагающих особенностей функционирования последнего как продукта постоянного взаимодействия многих психических процессов; необходим поиск путей обнаружения глубинных механизмов функционирования слова и стоящих за словом у индивида **перцептивно-когнитивно-аффективных образований** (концептов), а также **стратегий и разного рода функциональных ориентиров**, позволяющих успешно оперировать словом при познании и общении. При исследовании значения слова как достояния индивида речь идет о том, *что знает человек, когда он знает значение слова (или думает, что знает его)*, каковы особенности функционирования значения слова в такой трактовке и в какой мере это поддается описанию. Для выявления этого недостаточно опираться только на продукты речи, необходимо использовать традиционно применяемый **внешний** для слова контекст (вербальный или ситуативный) в качестве базы для изучения того **внутреннего контекста**, который по своей природе является перцептивно-когнитивно-аффективным и не имеющим четких границ (стремление к полноте его описания сопоставимо с попыткой достичь линии горизонта, т.е. выводит на индивидуальную картину мира во всем многообразии его объектов, связей и отношений между ними, во "всю психику"); он далеко не всегда доступен для вербального описания, но так или иначе сигнализирует о лежащих за словом процессах и фигурирующих в них опорах, связях, функциональных ориентирах.

При функционировании слова в речемыслительной деятельности человека значение слова должно, с одной стороны, обеспечивать взаимопонимание при общении, а с другой – выводить на некоторый фрагмент индивидуальной картины мира. Такая **двойственная медиативная функция** значения слова побуждает постулировать наличие двух

видов значения слова, в совокупности обеспечивающих успешность пользования им в процессах познания и коммуникации.

Один из этих видов значения слова представляет собой *знание того, что носители соответствующего языка должны (по уговору) понимать под тем или иным словом*. Этот вид значения согласуется с дефинициями толковых словарей по принципу "недолет/перелет", поддается вербализации, служит опорой для самоконтроля в процессах познания и общения и может быть условно назван **общесистемным значением** с акцентированием внимания на элементе "обще-", поскольку системность в этом случае испытывает воздействие со стороны индивидуального опыта и меняется с возрастом, тем не менее наличие некоего общего для носителей языка инварианта делает это значение **функционально достаточным** для взаимопонимания. "Недолеты/перелеты" по отношению к словарным дефинициям зависят от того, как и в какой мере уже имеющийся у человека запас языковых и энциклопедических знаний позволяет ему понимать, что именно означает некоторое слово "по уговору".

В качестве второй медиативной ипостаси значения слова как достояния индивида выступает то, что обеспечивает соотнесение общесистемного значения с индивидуальной картиной мира, т.е. переживание слова как понятого, установление его значения "для самого себя". Это **психологическая структура значения слова** или **психологическое значение слова**, что исследуется при ассоциативном, параметрическом, признаковом, прототипном, ситуативном и других психолингвистических подходах к значению (см. подробнее [Залевская 1998]).

С позиций такой трактовки значение слова у индивида обеспечивает выполнение ряда важнейших функций, встроенных в систему знаковых отношений, оно оказывается средством выхода на индивидуальную картину мира, вне которой никакое понимание или взаимопонимание попросту невозможно. С той или иной мерой полноты и точности слово "высвечивает" в индивидуальной картине мира некоторый фрагмент, идентифицируемый на разных уровнях осознанности как целостная более или менее обобщенная или специфическая ситуация с ее необходимыми, характерными и факультативными составляющими, признаками и признаками признаков, на фоне чего актуализуются или подсознательно учитываются многоступенчатые выводные знания разных видов – языковые и энциклопедические, субъективно переживаемые как не поддающиеся разграничению. Актуализация отдельного наиболее рельефного признака объекта неизбежно сопровождается подсознательным учетом и других характеристик этого объекта, одновременно включенного в некоторую ситуацию, в свою очередь находящуюся в составе более полного фрагмента индивидуальной картины мира.

Таким образом, слово при его функционировании выполняет роль, сравнимую с ролью лазерного луча при считывании голограммы: оно делает доступным для человека определенный **условно-дискретный фрагмент континуальной и многомерной индивидуальной картины мира** во всем богатстве связей и отношений, полнота которых обеспечивается в разной мере осознаваемой опорой на прямые и/или опосредованные выводные знания и переживания разных видов. Базирующиеся на этой концепции представления о процессах включения идентифицируемого слова в многоаспектный внутренний (перцептивный, когнитивный, аффективный) контекст во взаимодействии с внешним (вербальным, ситуативным) контекстом описываются через **спиралевидную модель** [Залевская 1988], согласно которой реализация различных функций слова в тексте (идентифицирующей, двойственной медиативной, синтезирующей, двойственной регулятивной, прогностической и т.д.) может быть представлена в виде двунаправленной спирали, "раскручивающейся" от "тела текста" (например, графически представленной формы слова) вглубь многостороннего предшествующего опыта индивида (языкового и неязыкового; осознаваемого и неосознаваемого; перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного) и в "проекцию текста", которая формируется, дополняется, пересматривается при взаимодействии множества факто-

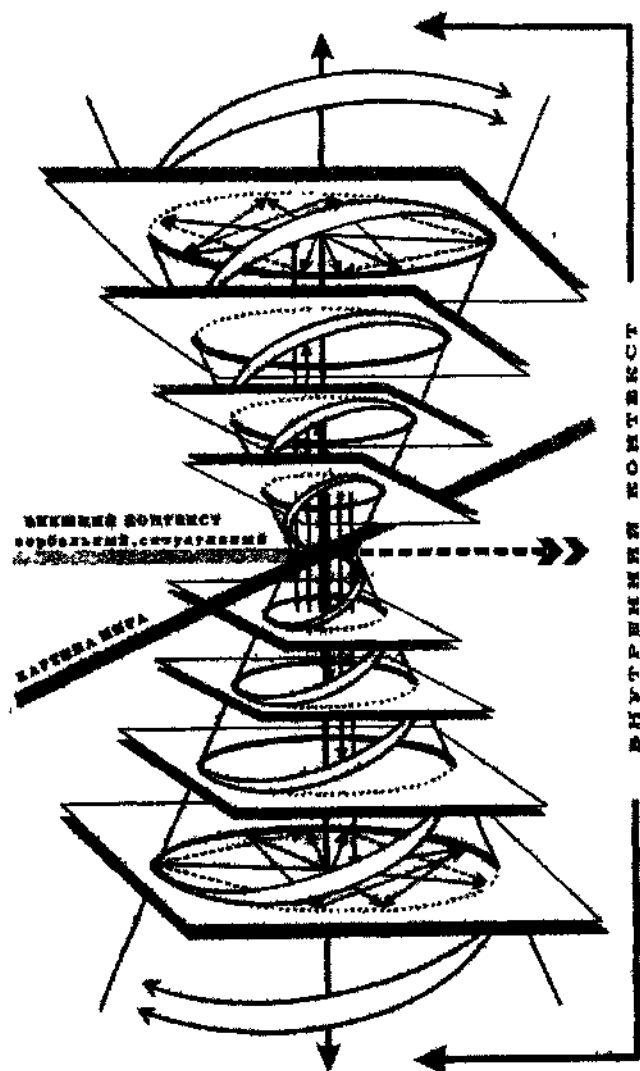

Рис. 2

ров (см. [Залевская, Каминская, Медведева, Рафикова 1998]). Расширяющиеся витки представленной на рис. 2 гипотетической спирали символизируют не только постоянный выход на индивидуальную картину мира, но и ее континуальность: понимание воспринимаемого слова или текста не может быть обозначено в виде дискретной единицы – это всегда **условный интервал**, намечающий некоторый более или менее четко определимый участок на многомерном перцептивно-когнитивно-аффективном континууме. Взаимодействие многообразных форм отображения действительности у человека и оперирование ими на разных уровнях осознваемости обеспечивают функционально достаточные опоры для понимания как решения нечетко сформулированных задач при оперировании расплывчатыми множествами, которые обычно лежат за используемыми людьми языковыми единицами.

Более подробно различные особенности психолингвистического подхода к анализу языковых явлений (в том числе значения слова как достояния индивида) обсуждаются в книге [Залевская 1999].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимова Н.П. 1998 – Проблема категоризации: теория прототипов или модель необходимых и достаточных условий? // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. Тверь, 1998.
- Брушлинский А.В. 1982 – Взаимосвязь процессуального и личностного аспектов мышления // Мышление: процесс, деятельность, общение. М., 1982.
- Брушлинский А.В. 1988 – О категориях непрерывное и прерывное, качество и количество в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988.
- Брушлинский А.В. 1990 – Деятельность субъекта и психическая деятельность // Деятельность: теория, методология, проблемы. М., 1990.
- Брушлинский А.В., Сергиенко Е.А. 1998 – Ментальная репрезентация как системная модель в когнитивной психологии // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М., 1998.
- Войшицкая Е.К. 1989 – Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М., 1989.
- Высоков И.Е. 1996 – Система познания: принципы и подходы // Познание. Общество. Развитие. М., 1996.
- Жинкин Н.И. 1982 – Речь как проводник информации. М., 1982.
- Жинкин Н.И. 1998 – Язык. Речь. Творчество. М., 1998.
- Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А. 1986 – Образ в системе психической регуляции деятельности. М., 1986.
- Залевская А.А. 1977 – Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977.
- Залевская А.А. 1988 – Понимание текста: психолингвистический подход. Калинин, 1988.
- Залевская А.А. 1992 – Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992.
- Залевская А.А. 1996 – Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1996.
- Залевская А.А. 1998 – Значение слова и возможности его описания // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998.
- Залевская А.А. 1999 – Введение в психолингвистику. М., 1999.
- Залевская А.А., Каминская Э.Е., Медведева И.Л., Рафикова Н.В. 1998 – Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста. Тверь, 1998.
- Зинченко В.П. 1997 – Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М., 1997.
- Колодкина Е.Н. 1987 – Специфика психолингвистической трактовки параметров конкретности, образности и эмоциональности значения существительных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987.
- Коссов Б.Б. 1996 – Творческое мышление: его механизмы и факторы развития // Психологическое обозрение. М., 1996. № 2/3.
- Леонтьев А.А. 1969 – Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Леонтьев А.А. 1974 – Исследование грамматики // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
- Леонтьев А.А. 1997 – Основы психолингвистики. М., 1997.
- Ломов Б.Ф. 1984 – Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
- Ломов Б.Ф., Беляева А.В., Носуленко В.Н. 1986 – Вербальное кодирование в познавательных процессах. М., 1986.
- МР 1998 – Ментальная репрезентация: динамика и структура. М., 1998.
- Носуленко В.Н. 1988 – Психология слухового восприятия. М., 1988.
- Петренко В.Ф. 1983 – Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
- Петренко В.Ф. 1997 – Основы психосемантики. Смоленск, 1997.
- Ребеко Т.А. 1998 – Ментальная репрезентация как формат хранения информации // Ментальная репрезентация: динамика и структура. М., 1998.
- Ришар Ж.Ф. 1998 – Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М., 1998.
- Степанов Ю.С. 1997 – Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Шерба Л.В. 1974 – Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Sternberg R.J. 1996 – Cognitive psychology. Fort Worth, 1996.
- Toglia M.P., Battig W.F. 1978 – Handbook of semantic word norms. Hillsdale (New Jersey), 1978.
- Turner M. 1994 – Design for a theory of meaning // Overton W. and Palermo D. (Eds.). The nature and ontogenesis of meaning. Hillsdale (New Jersey), 1994.
- Wierzbicka A. 1996 – Semantics: Primes and universals. Oxford, 1996.